

*Схоластика в контексте истории европейской цивилизации**Cogito ergo historicus sum*

Понятие «культуры» – одно из самых древних и, в то же время, спорных в истории человечества. Культуру традиционно рассматривали узко, выискивая ее специфику в тех или иных этнических или социальных структурах или психологических характеристиках. Акценты делались при этом на индивидуализме или корпоративизме, традиционализме или его отсутствию, «левополушарном» или «правополушарном» мышлении и т. п. Между тем культура есть многомерный конструкт, в котором сложно или даже противоречиво переплетены самые различные факторы. Каждая цивилизация рано или поздно вырабатывает свое сложное и комплексное понимание того механизма, с помощью которого существует во времени и пространстве.

«Осевое время» (800 г. до н. э. – 200г. н. э.)¹ – время начала складывания ряда цивилизаций («миров»), на которые оказался поделен или, скорее наоборот, объединен ими обширный евразийский родоплеменной («первобытнообщинный») мир. В двух огромных секторах его идет формирование «цивилизаций» на основе «степного» (скотоводческого) и «оседлого» (земледельческого) субстратов. Если история кочевников во многом еще находится на описательно-реконструктивной стадии, то история земледельческих «миров» («китайско-конфуцианского», «индийско-буддийского», «европейско-христианского», «арабомусульманского») уже не раз проходила через порожденные ею самой «фильтры» разнообразных методологических систем.

Цивилизация, которая в различные периоды своей истории носила названия «христианской», «европейской» и «западной», имеет наиболее известный и наиболее распространенный термин для его обозначения – «cultura». Оно происходит от глагола *colere*, среди значений которого были и такие, как «населять», «культивировать», «обрабатывать землю», «покровительствовать», «поклоняться», «почитать». Произведенный от него термин в результате четко указывал на земледельческий мир как место существования и действия «культуры» и оседлый образ жизни ее носителей. Ясно прописывается и цель культуры – воспитание и образование, иначе говоря, трансляция ее во времени и пространстве. Вместе с тем, как видно из «куста значений» термина, она должна была обеспечивать индивидуальные потребности людей (физиологические, этические, эстетические), формирование и развитие профессиональных качеств и навыков, сохранение и трансляцию коллективных ценностей, вырабатывать механизмы сохранения генофонда и этнофонда, государства, семьи как ячейки общества и т. д.

Складывавшаяся цивилизация была по преимуществу аграрной, а это значит, что сама структура общества выполняла многие из этих задач в силу своего специфического устройства: наличие классов и расположение социальных слоев «по этажам», ограничение вертикальной мобильности членов этих слоев, передача профессиональных навыков и традиций от отца к сыну, «рутинный» характер производства, цикличность общественного и экономического развития. Однако новый «мир» отличался по ряду параметров от первобытнообщинного. История цивилизации – это история седентаризации и это «оседание на землю» происходило в условиях ограниченности территории – сначала это берега Средиземного моря, а потом Европейский субконтинент. Европейская цивилизация практически на всем протяжении своей истории (примерно до XIV в.) выступала как своего рода «окраинная» цивилизация и отставала от восточных стран, что было обусловлено сравнительно бедными земельными ресурсами и полезными ископаемыми, более суровым климатом, большей близостью к северной климатической зоне.

¹ Выражение «осевое время» принадлежит К. Ясперсу. См.: *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32.

Однако именно «замкнутость» региона обитания «европейцев» позволяла этой цивилизации в отличие от других азиатских «миров» развиваться особенно динамично и интенсивно, практически за полтора тысячелетия (V-XX вв.) достигнув того, чего Китай не смог достичь за пять тысячелетий. Если первобытнообщинная присваивающая экономика в условиях обилия свободных земель была открытая, то складывающаяся производящая экономика, первой формой которой, собственно говоря, и было земледелие, создавалась в условиях земельного дефицита. Закрепиться на данной территории близким в этнокультурном отношении племенам можно было только культивируя какие-то общие представления. Так, еще кельты выдвинули идею «Круглого стола», т. е. сообщества племен и народов. Она была понятна и приемлема на стадии первичного освоения материка, когда в хозяйственном комплексе так или иначе доминировали присваивающие формы хозяйства (охота, рыболовство), а война как средство решения проблем уходила на задний план. Поскольку для развитого («феодального») земледелия характерен острый и все нарастающий дефицит земельных ресурсов, в формирующемся «мире» будет складываться монархическая общественная модель («феодальная лестница»). Она откажется от идеи равенства родоплеменных «лоскутков» и начнет выстраивать их сложную иерархию.

Европейская цивилизация оказалась наиболее «чистой» из всех евразийских сообществ, ибо практически не смешивалась с другими. Если в Китае было 24 династии и почти все они иноземного происхождения, если средневековые «Индии» всегда в представлении различных народов существовали во множественном числе, то Европа азиатскими народами всегда ассоциировалась или с Римской империей, или с государством «франков». Не случайно она постоянно рефлексивна, занимается самоизучением, а не просто восхвалением, первая выстраивает историю как векторную. Срединная китайская империя (Чжунго) или древний Израиль под «концом истории» понимают практически современное состояние, достигнутый оптимум, христианская же Европа «строит», заглядывая на века вперед.

В истории «христианской» цивилизации («христианского мира») особую роль играет «текстовая» составляющая, связанная с определенным набором сочинений, имеющих программное значение². В своем движении цивилизация создает ряд «культур» как механизмов адаптации к неповторимому синтезу эндогенных и экзогенных социальных, политических, экономических, этнических и иных процессов («античная», «средневековая», «гуманистическая», «новая», «новейшая»). Форма этих культур обязательно связана с сосуществованием и соотношением на необходимом и достаточном уровне двух сфер – сакральной и секулярной, что и находит отражение в синтетическом «Тексте».

Роль «сакрального» в «христианской» культуре огромна. Прежде всего оно окончательно образует то, что можно назвать «Текстом цивилизации»³. Разумеется, история любой цивилизации процесс многофакторный процесс и в нем обязательно присутствуют экономическая, политическая, этническая, социальная и др. составляющие, но она также и история Текста, лежащего в ее основе. Под «текстом» в данном случае понимается не то или иное отдельное сочинение или даже их группа, а строго выверенная, прошедшая многолетнюю, а то и многовековую редакцию и апробацию, иерархическая система произведений. Недаром эти сочинения или канонизируются и получают название в форме множественного числа («Тора» – «учение», «Библия» – «книги», «Коран» – «чтение»), или существуют в виде наиболее «важных» и «авторитетных» текстов. В истории европейской цивилизации четко прослеживаются два таких Текста. Это – «античная культура», представленная в виде иерархии разного рода авторитетных «профаных» сочинений

² См.: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск, 2002; *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Евангелиях // Диалог со временем. Вып. 9 – 10. М., 2002, 2003.

³ Стоит лишний раз напомнить, что цивилизация – это историографическая традиция, ибо «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст», словесные тексты есть «первая данность... всего гуманитарно-филологического мышления» (*Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285 – 286, 281).

Платона, Аристотеля, Эпикура и др. Именно они представляют секулярную сферу культуры сначала Средиземноморья, а потом и всей Европы.

Сакральное «отвечает» за «смысл» всего бытия, «истории» особенно, обосновывает «право на существование» цивилизации, ее легитимность и место в мире. Секулярное «отвечает» за «формы» бытия, создает необходимый «механизм» существования цивилизации в виде стройного и непротиворечивого синтеза социальных, политических, юридических и т. п. концепций. Сакральный «текст» опирается на базовые идеи цивилизации («бог», креационизм, провиденциализм, «история» и др.), развивает их, состоит из разноплановых сочинений, касающихся самых разных сторон «культуры» и провоцирующих складывание иерархии комментариев и толкований на темы «священного писания», использует «чтение» как способ собственного освоения («постижения»). Секулярный («профанный») текст не требует «канона», в нем присутствуют явный акцент на «светских» аспектах, максимальная деидеологизированность, индивидуальность восприятия и т. п.

Предел этой универсализации был достигнут в рамках древнееврейской религиозной мысли. Если «навыки» Гефеста и «знание» Афины были фактически еще разделены, то здесь впервые в Средиземноморье происходит объединение сакрального и секулярного. Сакральное («религиозное»⁴) связано с «базовыми» идеями формирующейся цивилизации: Бог как надъестественная сверхличность, креационизм, провиденциализм, «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Завет Бога с Человеком как цель космического бытия и др. Все эти идеи в развернутом и всесторонне обоснованном виде сформулированы именно в Пятикнижии⁵. Секулярное «отвечает» за «формы» бытия, создает необходимый «механизм» существования цивилизации в виде стройного и непротиворечивого синтеза социальных, политических, юридических и т. п. концепций.

Соотношение «христианской» и «языческой» сфер в истории европейской культуры всегда было проблемным, диалектическим и, в силу этого, культуuroобразующим. Споры о соотношении «богова» и «кесарева», «человеческой» и «божественной» истин в христианской Европе шли на протяжении всего средневековья, начиная, как минимум, с Христа (проблема «универсалий», номинализм и реализм, теория двойственной истины, аверроизм). Вероятно, оптимальное «решение» в итоге дал Фома Аквинский, который сказал, что две истины соотносятся как «а» и «б».

История в традиционном понимании - «педагогическая проблема», которую должно было решать человечество: на определенном этапе (в Эдемский период), под влиянием определенных причин (происки Сатаны) произошла грандиозная катастрофа (Первородный Грех). Человек оказался один на один с Миром и для спасения необходимо «возвращение в Эдем». История таким образом понимается как «безбожный» период (от нарушения Адамова Завета до последнего «экзамена» в форме «Страшного суда»). С «помощью» античной мысли христиане рационализируют это представление, используют конкретные методы и наработки античной историографии и начнут детально анализировать «дорогу истории» с целью определения срока наступления «субботы». Тем самым представление об истории формируется как одна из базовых и отличительных идей европейской цивилизации.

⁴ Не случайно термин Religio по одной версии, идущей от Цицерона, происходит от глаголов religare, eligare (связывать, соединять, выбирать). Ее великолепно дополняет вторая версия, по которой он происходит от глагола relegere (вновь собирать, достигать). Именно в рамках Римской империи происходит переход от локальных культов, философских систем, этнических вариантов верований к единой, общеимперской религии и на этой основе появляется представление об универсальной, обязательной для всех системе религиозно - философских представлений.

⁵ Основные задачи Торы как Закона можно сформулировать следующим образом: равновесие общества и окружающей среды и стабильность в обществе («дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» – Втор 6: 24).

Именно здесь «религиозные» идеи предстают в виде «ведущих», «программных»⁶ и структура культуры становится подобна «дробью», где в «числителе» сакральное, а в «знаменателе» секулярное: Бог / Человек. Идеалом, «целью» этой «дробью», а следовательно всей цивилизации является превращение в целое число, коим может быть только «единица»⁷. Это возможно только в том случае, если «верхнее» и «нижнее» числа «равны», т. е. не «противоречат» друг другу. В реальности этого никогда не бывает, ибо каждая из этих сфер стремится к абсолютизации своей «истины»: «знаменатель» – к «атеизму», «числитель» – к абсолютному Божественному «произволу». И то, и другое – невозможные и ненормальные состояния общества, ибо просто недостижимы. Соотношение «божественной истины» и «человеческой» («бытия» и «сознания») всегда было проблемным и часто именовалось «основным вопросом философии». Сакральное здесь «отвечает» за «смысл» всего бытия, «истории» особенно, обосновывает «право на существование» цивилизации, ее легитимность и место в мире⁸. В «равновесие» «числитель» и «знаменатель» «дробью» приводит «завет»⁹ между Богом и Человеком, объединяя «богово» и «кесарево». Нарушения связи человека с человеком – непосредственное свидетельство и критерий нарушения связи человека с Богом. Именно так воспринимает исторический процесс библейская традиция¹⁰.

Именно И. Христос¹¹ в свое время не только поставил эту проблему, но и дал ее первоначальное решение. Его формула «Богу – Богово, кесарю – кесарево» – формула «распада культуры»¹², а «двуединая заповедь» и акцент на отношениях Бога и Человека как «отца»¹³ и «сына» восстанавливает ее. Перед нами предельная универсализация формулы культуры¹⁴. Именно так соединяется «сверхъестественное» и «естественное», небесное и земное, «горнее» и «дольнее», сакральное и секулярное как две ипостаси культуры. Так соединяется вертикаль и горизонталь, хронология и хорология, время и пространство, так воздвигается Крест культуры и истории. Пересечение «вечности» (сущностного) и «мира» (сущего) позволяет предельно точно обозначить местоположение любого факта, события, явления, поступка. Создается механизм оценки «правильности» культуры и человека¹⁵.

⁶ Действительно, в общественной жизни духовный примат принадлежит не политике или экономике, а культуре. *Бердяев Н.* О культуре // Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990. С. 247. У о. Павла Флоренского есть замечательная метафора: «бутоны культуры произрастают из зерна религии».

⁷ «Единица» во всех цивилизациях имеет особое значение. Египтяне в гимнах Амон-Ра именовали его «Один-Единственный». Моисей обращался к народу: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть» (Втор 6:4). Пифагор в «единице» видел единое и неделимое.

⁸ Подробнее см.: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2002. С. 74 – 99.

⁹ Как «формула» единой культуры.

¹⁰ *Speiser E. A.* The biblical idea of history in its Common Near Eastern Setting // Israel Exploration Journal. Jerusalem. 1957. V. 7. N. 4. P. 201 – 216 (особенно 202 – 204).

¹¹ В его духовных и религиозных исканиях уже видно начало процесса, завершившегося окончательно ко времени схоластики и знаменовавшего изменение своеобразного идеала мыслителя от страдальца, пассивно обретавшего благодать (*passivus*), к страстотерпцу как правдоискателю (*passio*). Поиски истины станут не только анализом базовых текстов, но и рациональным ее обоснованием. Хотя «нога Христа ни разу не ступала на землю Запада» (Ж. Ханна. Шумиха в философии. М., 1965. С. 80), именно он, пожалуй, первым (по крайней мере, так зафиксировано в литературе) попытался найти алгоритм «поиска истины» не в замкнутом и узком этническом пространстве, а в обширном и динамичном «мире».

¹² Она разбивает прежний синтез сакрального и секулярного как форму «ветхой» культуры, обветшавшей и испорченной и призвана была доказать «тупикий» вариант развития двух типов культуры.

¹³ *Иеремияс И.* Богословие Нового Завета. Ч. 1. Провозвестие Иисуса. М., 1999. С. 203–207. Заметим, что слово «отец» в отношении Бога впервые применяется тоже в Торе (Втор 32:6).

¹⁴ Недаром на этом делается акцент во всей последующей культуре Европы. Достаточно вспомнить диалог Августина с собственным разумом в его «Soliloquia»: «Что ты желаешь знать? – Бога и душу. – И более ничего? – Совершенно ничего». Цит по: *Аверинцев С. С.* Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Христианство и культура в Европе. Сборник докладов международного предсинодального симпозиума (Ватикан 28 – 31 октября 1991г.). М., 1992. Ч. 1. С. 21.

¹⁵ Подробнее см.: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Новом Завете...

«Сакральную» сферу европейской культуры представляет «Библия»¹⁶, основой которой является один из архетипических Текстов Западной цивилизации Тора¹⁷, - практически первый синтез мифологических, исторических и философских представлений Средиземноморья как метарегиона.

Исходным пунктом этого Текста является специфическая идея («В начале было слово и слово было Бог»). Именно на основе Торы вырабатывается система идей и механизмов этого строительства, в законченном виде превратившаяся в Танах¹⁸. Танах – это адаптация универсалистских, в большей степени общеисторических и общефилософских идей Торы к этно-географическому региону (Земле Обетованной). Состоявшаяся культура на основе программного Текста создает Текст, регулирующий жизнь общества. Именно такую роль в еврейско-иудейском обществе играл Танах. Этот Текст как бы становится между Богом и Человеком и помогает последнему «решать» проблему «спасения». Он представляет собой своеобразный механизм, который с помощью определенной шкалы (скажем, десяти заповедей и системы запретов и разрешений) определяет степень «чистоты» человека перед обществом и Богом. По мере эволюции общества и под влиянием внешней культурно-идеологической экспансии он перестает работать эффективно и появляется потребность его замены или, чаще всего, реконструкции. Что касается собственно Танаха, то он стал огромным связным текстом, а в таком случае, по наблюдениям Ю. М. Лотмана¹⁹, нарастает «избыточность»: чем больше пройденный нами отрезок, тем легче предсказать еще не пройденную часть траектории». Однако в реальной жизни наблюдалось «столпотворение» «случайных» факторов, пришедших из-за пределов «Земли Обетованной», их сам Текст не понимал и не мог с ними справиться.

«Новый Завет» представляет собой комплекс ответов и решений новых проблем в рамках метарегиона («Европа» или «христианский мир»). Он опирается на «Библию», входя в нее не просто неотъемлемой, но и самой существенной ее частью. «Рецептурной» частью, играющей отныне роль ТаНаХа, становится «Священное Предание», который постепенно объявляется в католицизме источником «Слова Божьего» «более обильным», т. е. более важным для строительства «града Божьего» на земле.

Именно «религиозность» культуры явилась тем системообразующим фактором, который обусловил возможность ее существования на территории обширного метарегиона. Так устанавливалась и нижняя граница существования «христианской культуры», связанная с формированием того, что можно назвать протоцивилизацией («Средиземноморье» как первичный «мир»). Не случайно она впоследствии найдет отражение в периодизации «от Рождества Христова»²⁰. Важнейшей вехой в ее истории станет так называемое «падение Римской империи», которое на самом деле было взрывообразным, внешне катастрофическим²¹ расширением «мира» (“рах”) путем включения «мирных» (принявших

¹⁶ Более подробно см.: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Новом Завете...

¹⁷ Сефер-Тора - Пятикнижие Моисея, в которое входит пять книг: Берейшит (Бытие), Шмот (Исход), Ваикра (Левит), Бэмидбар (Числа) и Дварим (Второзаконие). Окончательная канонизация Торы – 397 г. до н. э. (*История* всемирной литературы. Т. I. С. 574). Тора именуется также «Хамиша Хумшей Тора» («Пять частей Торы») или просто «Хумаш» («Пятикнижие»). Раннехристианские авторы обозначали ее греч. словом «пентатеухос» («Пятичастная книга», «Пять свитков»). (*Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза. Кременчуг, 1999. С. 805).

¹⁸ Танах (ТаНаХ) – комплекс текстов, который является священным текстом иудаизма, но в христианской традиции именуется Ветхим Заветом. Сама аббревиатура указывает на три части (Тора невидим в кетубим): собственно Тора (Учение, Закон), Невиим (Пророки) и Кетубим (Писания). Канонизация происходила постепенно (в талмудической традиции: 621г. до н. э., 444 г. до н. э., конец I в. н. э., в масоретской - к. IX в. н. э.). В III – II вв. до н. э. фарисеи стали приобщать к Торе Пророков и Писания и говорить, что они тоже даны свыше.

¹⁹ *Лотман Ю. М.* Клио на распутье // Наше наследие. 1988. №5. С. 2.

²⁰ Это - один из «решающих исторических этапов» развития европейской цивилизации, который впоследствии не случайно был назван «рубежным» и «поворотным» (переход от «старой» эры к «новой»), символизировавшим завершение «Осевого времени» на просторах Евразии.

²¹ Хотя на самом деле идея «падения» Западной Римской империи была впервые сформулирована итальянскими гуманистами, которым необходимо было каким-то образом объяснить исчезновение «великой» античной

условия римского «мира») германских племен. Эти племена воспринимают римскую культуру в качестве образцовой и переходят из внешней зоны во внутреннюю. Христианизация же германских и славянских «варваров» будет означать принятие ими средиземноморской культуры как основы существования всего «христианского мира». Трансформация «христианского мира» в «Европу» начнется в XV – XVI вв., когда начнется широкий и всесторонний процесс десакрализации культуры.

Здесь проявляется один из универсальных законов развития культуры: сначала выдвигается базовый Текст, потом он приспосабливается к определенной ситуации и «работает» некоторое время. С изменением этой ситуации появляется необходимость создать новый «программный» документ. Он будет создаваться путем «возрождения»²², т. е. обращения к истокам цивилизации, к «золотому веку», когда вырабатывались основополагающие идеи. Тора как Закон важна именно потому, что определяла «движение мира, существование человечества, историю народа, заключившего вечный Завет с Богом, каждодневное бытие человека», она – «некий священный план» развития мира и потому в ней сосредоточены необходимые для этого «важнейшие парадигмы, модели исторического и духовного бытия человека».²³ Христос сохраняет главное в Торе – представление о том, что только Закон может обеспечить развитие мира от простого к сложному, от примитивного к истинному, от хаоса к «миру», обретение и соблюдение Завета и в итоге, говоря словами Н. Бердяева, «встречу народа с Богом путем истории».

Тора как Текст формирует, если можно так выразиться, «колено» культуры. История европейской культуры есть история перетолкования («комментирования») изначального Текста: Тора – Танах (Ветхий Завет) – Новый Завет – патристика – схоластика – неотомизм/протестантская литература.

Библейский текст, независимо от того, что перед нами – иудейский вариант или христианский, является синтезом трех необходимых для существования культуры «начал» – онтологического (рассмотрение проблем происхождения мира и смысла его существования через призму взаимоотношений Человека и Бога), аксиологического (набор представлений о философии истории, педагогических, правовых, политических и др. идей) и гносеологического (основы будущих герменевтики, экзегетики, литературы и т. д.). Это видно и из различных наименований библейского комплекса: онтология представлена понятием «Священное Писание»²⁴, аксиология – выражением «Закон»²⁵, а гносеология самим словом «Библия» («Книги» как «чтение»). Библия становится источником необходимых ценностей и предлагает методы прочтения предельно насыщенных философски текстов («постижение истины»).

Этот текст очень специфичен уже в силу того, что создавался на протяжении ряда поколений посредством длительной редакционной работы. В результате появляется сложная конструкция, включающая множество конкретных текстов, всесторонне, в том числе и с

культуры. Если она «великая», то не могла умереть сама по себе. Идея «убийства» культуры «варварами» была типичным порождением средневековых представлений о решающей роли насилия в истории. Сами современники «падения» Рима воспринимали происходящее спокойнее, как продолжение извечного противостояния греко-римского Юга и кельто-германского Севера.

²² На своем исходе любая культура особенно много рефлексировала и все чаще упоминает о «конце истории» не столько как о достижении ее «цели», сколько о результате оторванности от «истоков», что выражается в ощущении собственной противоречивости, неорганичности и даже неестественности. Подробнее см.: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Евангелиях...; *Пиков Г. Г.* «Возрождение» как особенность развития европейской культуры // *Пиков Г.* Из истории западноевропейского средневековья. Новосибирск, 2002. С. 120 – 143.

²³ *Синило Г. В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск, 1998. С. 188, 189.

²⁴ Все «Писание богодухновенно» (2 Тим 3:16), ибо его «изрекали святые Божии человеки, будучи движимы духом святым» (2 Пет 1:21).

²⁵ Основные задачи Торы как Закона можно сформулировать следующим образом: равновесие общества и окружающей среды и стабильность в обществе («дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» – Втор 6: 24).

позиций известных «противников», обосновывающих «свой» «путь» и «свою» «истину». Для него обязательна фигура «учителя» как посредника (Бог, Моисей, Христос)²⁶, обладающий даром «промышления» (предвидения) как результата «предмышления», т. е. опоры на традицию. Он дедуктивен, внешне аподиктичен, хотя обязательно существует логическая последовательность его частей. Основываясь на типичном для традиционной средиземноморской культуры представлении о существовании в мире причинно-следственного порядка, который прослеживается на уровне и отдельного человека и всего человечества, он внедряет в сознание любого человека принципы детерминированности, полноты и законченности бытия, что исчезает со временем. Акцент на духовности и «религиозном» дает возможность моделирования всех возможных социальных ситуаций и выработки алгоритма поведения человека и общества.

Со временем создается и необходимая основа для расширения значения и сферы применения базового текста цивилизации. На основе Торы как «ядра» возникает христианское Священное Писание как Мегатекст, необходимо нуждающийся в «Священном Предании» как Метатексте, т. е. Тексте метарегиона («Христианского мира» или «Европы»²⁷).

В результате в формирующейся христианской культуре найдет яркое отражение очень своеобразное отношение к миру, которое можно назвать «искусственным». Речь не идет о каком-то негативном значении этого выражения. Это — принцип и он находит свое выражение прежде всего в самой идее «строительства» нового мира, в постижении «воли Бога», любви как основе универсальной морали, цели истории как принятии «истины» и т. д. «Обратная» же сторона культуры будет богата революционными призывами и, в то же время, эстетическими утопиями, основывающимися на произвольном утверждении о том, что «красота спасет мир».

Появляется тем самым и возможность для складывания таких обязательных черт «мировой» религии как «католичность» (претензии на распространение «мира во всем мире») и «православия» (претензии на единственно «правильное» понимание «истины»). Христианство начнет со строительства своего «мира», но со временем понесет свою «истину» и в другие «миры». Создается также и возможность формирования для всего человечества представления о едином развитии (магистральном пути развития).

Тандем «Священное Писание» – «Священное Предание» «работает» более или менее эффективно на протяжении первого тысячелетия, но потом начинаются сбои. Европа становится бурлящим котлом, клубком сложных и противоречивых тенденций. Складывание полицентричной «феодальной» экономики, критический максимум демографических процессов, распад каролингской Европы и начало, хотя и неочевидное, складывания национальных государств, усиление культурно-идеологического влияния мусульманской цивилизации, приводят к нарастанию социально-политического и культурно-идеологического хаоса. Это проявилось в увеличении количества фойд, усилении борьбы за торговый «итальянский коридор», ведущий на Восток, широком распространении ересей и, в то же время, начале борьбы за «возрождение» церкви (клюнийское движение, противостояние Империи и Папства, нищенствующие ордена). Первые века второго тысячелетия ознаменовались проведением Крестовых походов (как формы «исхода» излишков населения за пределы европейской «клетки» и, в то же время, формы решения множества проблем), складыванием на границах Европы мусульманской и славянской «стен», резко ограничившими взаимодействие Европы с Востоком, в чем Европа, однако, нуждается все больше и больше, апогеем противостояния латинско - средиземноморской и «варварско» – народно- североευропейской культур.

К этому времени окончательно складывается модель цивилизации, которую кратко можно описать известным латинским выражением «urbi et orbi» (русское «города и веси»).

²⁶ В текстах других цивилизаций есть свои «учителя»: Прометей, Конфуций, Будда, Мохаммед.

²⁷ Вспомните название одного из сочинений Новалиса - «Европа или христианской мир».

Orbi были представлены автаркизованным сельским хозяйством, urbi - торгово-ремесленным городом.

«Варвары», расселившиеся по территории бывшей Западной Римской империи, прошли «натурализацию» в форме принятия христианства. Их общественный строй усложнился и они от уровня «вождеств» и «конфедеративных поселений» на имперских землях поднялись до статуса «королевств». Седентаризация завершилась и прежние социальные формы, связанные с родоплеменным устройством, исчезли окончательно, оставшись в виде «патриархальных» и «дофеодальных» отношений в отдельных «медвежьих углах» (горные районы Швейцарии, Шотландии, Уэллса, Корсики и др.). Они перешли к развитой аграрной экономике. Поэтому варварская культура постепенно стала «народной», широко распространившись среди социальных низов деревни (orbi). Именно так называемая «Северная Европа» (ultra montes – «за горами», т. е. за Альпами) и стала центром классической «аграрной» цивилизации. «Городской» вариант был представлен прежде всего в «Средиземноморье», бывших центральных римских провинциях. Сложилась своеобразная «бизония»²⁸ и обе зоны находились в сложных отношениях друг с другом. Единство поддерживали сложившиеся на исходе античности две силы – единое государство, точнее, идея империи²⁹ и единобожие³⁰. Монастырская структура играла роль своеобразной арматуры децентрализованного «мира».

В истории Европы всегда особую роль играли две дихотомии. Первая из них фактически, как указывал еще Э. Ренан, сыграла решающую роль в возникновении цивилизации как «широтной», ибо она развивалась, если можно так выразиться, «по горизонтали»: с востока (Греция) на запад (Италия), а потом происходила римская экспансия в Восточное Средиземноморье и на Ближний Восток. Этот экстенсивный вариант развития оказался прерван с захватом арабами трех из четырех берегов Средиземного моря (восточного, южного и западного) и, как писал А. Пиренн, Европа вынуждена была ориентироваться на северных «варваров». Этот фактор, по его мнению, сыграл решающую роль в возникновении феодального строя. Можно действительно говорить о том, что в условиях максимального развития евразийских цивилизаций, когда отношения между ними начинают носить все более конфликтный характер, в каждой из них все более важное значение приобретает внутренняя «мироустроительная» тенденция. Не случайно в Европе конца I – начала II тыс. н. э. широкое распространение в различных социальных слоях получает идея строительства Царства божьего на земле. Фактически происходит еще один отказ от экстенсивного варианта развития и вынужденный переход к интенсивному. Именно это обстоятельство в немалой степени подготовит динамичную трансформацию «христианского мира», пределов которому фактически нет, в «Европу», которая будет проводить уже не идеологическую экспансию, а экономическую. Ситуация обострялась еще и тем, что демографический рост привел к перенаселенности региона и колоссальная биоэнергия тратилась в войнах, восстаниях и преступлениях.

Неизбежным центром общественной, экономической и культурной жизни естественно становится город. Как политико-административный и идеологический центр, дистрибьютор продуктов, он становится и идейным рынком. Стремительно растет «коммерческая стоимость» и конкуренция различного рода «истин», складывается на первых порах ситуация смысловой какофонии. К тому же как носитель идеи светскости город всегда диссидентствует, по определению придавая большее значение секулярной стороне культуры. Если для раннесредневековой деревни, прежде всего в силу цикличности природных и экономических процессов, мир стал «конечен» (отсюда еще больший акцент на идее

²⁸ На Востоке добавлялась еще одна сила – кочевая Степь.

²⁹ *Пиков Г. Г.* Из истории западноевропейского средневековья. Новосибирск, 2002 (гл. 3. Империя как феномен европейской культуры).

³⁰ *Аверинцев С. С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из ист. культ. средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976.

«сотворенности мира»), то для средневекового города космические процессы как бы «сдвинулись» с места, т. е. стали казаться хаотичными и беспорядочными, неуправляемыми. Естественно возникают сомнения в наличии в их действии воли Бога, появляются вопросы: а есть ли там Бог и где он вообще находится? Сомнения в наличии Бога как такового в то время еще не могли возникнуть, но сомнения в наличии его внимания к миру не могли не появляться. Деревенская психология, специфику которой определяла именно связь с землей, культивировала такие параметры (равнодушие к земной участи, что горожане собственно и именовали «ограниченностью» и «тупостью», надежду на возмещение ущерба и утешение в страданиях в ином мире, работу на потомков, невежество как равнодушие к «ученому знанию» и акцент на навыках, умении «работать» руками, а не головой, страх и раболепие перед «ученым знанием» и др.), которые «буксуют» в новой макроэкономической и геополитической ситуации. Средневековый вариант христианства («католицизм»), победу которого обеспечила именно специфическая земледельческая («феодалная») экономика, не мог уже эффективно поддерживать и транслировать прежний сакрально-секулярный тандем. Культура начинает снова глубоко сканировать природный и общественный миры, дабы выстроить новую модель «завета». У этого процесса наблюдаются три фазы:

1. сначала идет вопрошание к дихотомии «Бог – Мир». Она является базовой для любой культуры, не случайно поэтому самой первой библейской книгой является именно «Бытие», где обосновывается извечная и вечная связь «творца» и «творения». В условиях надвигающегося социально-экономического хаоса надо было доказать прежде всего, что Бог мир не оставил. Именно это вопрошание и найдет самое яркое отражение в схоластике.

2. на следующей стадии главной становится уже дихотомия «Человек – Бог», ее с двух сторон начнут рассматривать Возрождение и Реформация.

3. на исходе реформационной эпохи интерес плавно перенаправляется на дихотомию «Человек – Мир». В рамках ренессансной и реформационной культур происходит своеобразное «зашкаливание» и Человека ставят «выше» Бога, т. е. секулярное начинает превалировать над сакральным, и это не дает возможность до некоторых пор создать новую эффективную модель культуры. Человека неизбежно надо «опустить на землю». Ньютонова наука, имевшая дело с простыми системами и неизбежно потому в то время делавшая акцент на механистическом понимании мировых процессов, начнет процесс замены «божественных идей» на «мировые законы».

Ситуация обостряется еще и тем, что фактически идет «война миров», созданных и создаваемых разными культурами. Разгорается новый конфликт с «язычеством», выражением которого является городская культура как «внутренний враг» и в то же время усиливается натиск исламской культуры, которая смогла отбить натиск азиатско-монгольских кочевников, пытавшихся распространить в Евразии восточно-азиатскую культурную парадигму, умноженную на буддийские этические и космологические идеи и этническую пассионарность кочевого менталитета. Победа чингисхановской экспансии в этом плане безусловно означала бы смерть для родившихся в Средиземноморье христианской и исламской цивилизаций. Отбить «натиск с Востока» не смогли сформировавшиеся в раннее средневековье арабские государственные образования, идея халифата потерпела полнейшее фиаско, но выручили «новые мусульмане» – тюркские племена, в массовом порядке переходившие к исламу.

В городской культуре «бунт» секулярного нашел наибольшее выражение. Он проявился в ересь, делавших акцент на социологических проблемах, смеховой культуре, интерпретировавшей идеологические установки и священные образы с позиций разума, поэзии вагантов, фактически выдвинувшей лозунг отказа от аскетизма. Ереси этого периода принципиально отличаются от раннесредневековых: если те спорили по частностям, обсуждали отдельные богословские проблемы, пытались осмыслить такой «скачок в абсурд» как христианство, то теперь начинают создаваться всеобъемлющие и универалистские теории. Они, как и официальная церковь, тоже пытаются согласовать «религию» и «философию» уже в новых условиях и в этом плане выступают в качестве весьма серьезных

противников католической церкви. Победа из них, например, альбигойцев, вполне могла привести к катастрофе общеевропейского масштаба и церковь вынуждена объявлять крестовые походы против еретиков и формировать инквизиционные механизмы. Увеличение количества ересей приводило к смысловой какофонии, информационному хаосу, что обезоруживало Европу перед лицом растущей опасности со стороны Востока.

Ближневосточное христианство, ранее принимавшее на себя культурные и идеологические удары восточных религиозно-философских систем, под натиском тюркских мусульман становилось Атлантидой и медленно погружалось на дно мусульманского океана. В то же время происходит существенный рост роли и значения в истории континента северного («русского») варианта православия.

Рыцарская литература со своим культом Прекрасной Дамы являет собой один из первых образцов анализа внутреннего мира человека. В условиях «лоскутности» христианско-имперской Европы эти явления были своеобразными «мостиками», связывавшими уходящую и приходящую культуры. Во всем западном «мире» идет активное формирование атмосферы «свободомыслия», иначе говоря, отрицания культуры «вчерашней». Еще не оформился рецепт «возрождения», т. е. противопоставление этой культуре так называемой «древности» («античности»), но можно говорить о начале складывания нового мироощущения, новой психологии, которая впоследствии стараниями итальянских гуманистов начнет принимать новые идеологические формы (гуманизм как идеология «культуры Возрождения»).

В то же время уровень развития южных (средиземноморских) областей, бывших центральных областей рабовладельческой империи, также повысился. При этом процесс изживания рабовладения был простимулирован еще «варварскими» нашествиями, когда вторжения лангобардов в северные районы Италии и вестготов и их союзников (аланов, вандалов, свевов) в Испанию нанесли мощный удар именно по рабовладельческим производительным силам. Впоследствии Италия становится объектом экспансии чуть ли не всех европейских народов. Включение ее территории в процессы феодализации, шедшие на территории Каролингской империи, происходило в специфических условиях. С одной стороны, добивались остатки рабовладельческих отношений, во многом связанные с Византией, стремившейся к их искусственной консервации (из Южной и Средней Италии вывозились в основном продукты сельского хозяйства и ввозились предметы роскоши для европейских «варваров»), Италия таким образом была важнейшей торговой артерией и для Запада, и для Востока. С другой стороны, именно важнейшее положение Италии и Южной Галлии как центров пересечения торговых путей стимулировало сохранение и даже расширение городской традиции. Таким образом, капитализм в определенном смысле вырастает из ситуации «торговля минус рабовладение». Территория Италии никогда не была сугубо сельскохозяйственной, уже в древности находилась на дотации из Северной Африки, более того на протяжении всего «докапиталистического» этапа развития Европы она была только политическим или идеологическим центром, но не экономическим и не местом сосредоточения этнического большинства, как например, в Китае или России. Здесь социально-экономическая трансформация внешне выглядела как упадок сельского хозяйства и гибель «феодальной» (аграрной) цивилизации.

Происходящее в Европе воспринимается как кризис, иной раз даже как идущий «конец света». В итоге можно сказать, что концентрация внутренних и внешних «случайных» факторов достигает критической точки и создается ощущение гибели цивилизации. Можно даже говорить о ломке еще одной модели культуры. Раньше латинская *cultura* непротиворечиво соединяла еврейский и греческий инварианты. Греческий (*urbī*) был связан с торгово-ремесленной средой и акцент делал не на консервации культурного образца, а на динамике и эволюции культурных ценностей, на рыночных отношениях и необходимости перспективности социально-секулярного развития полиэтнического мира, еврейский (*orbī*) акцентировался на аграрном строе, возможность интенсификации общественного развития блокировалась непрерывными нашествиями извне и это вынуждало этнос идти на усиление

идеологической составляющей культуры и консервацию культуры на моноэтническом уровне. Теперь эти варианты вступили в противоречие друг с другом.

Выход из положения ищут различные силы – церковь, феодалы, формирующаяся королевская власть, еретики. Идет фильтрация мусульманских «рецептов».

Выручить могло только обращение к базовой парадигме, прежде всего к ее «античной» части. Это обращение шло двумя путями. Первый, наиболее ранний – через так называемые «северные» Ренессансы (Каролингский, Оттоновский). Они носили служебный характер, т. е. инициировались верховной властью, и возрождали «христианскую античность» IV в. Шло обращение к эпохе формирования Священного Предания, т. е. того комплекса текстов, на базе которого, строго говоря, шло формирование всего феодального общества, именно здесь рассматривались проблемы формирования социальной структуры и Церкви. Этот ренессанс был необходим бывшим «северным варварам», строившим свою модель феодального сообщества³¹. В этих условиях крайне важно было укрепить базовую идеологию всей цивилизации, тогда как секулярная сфера («античные» рецепты и нормы) была не только не нужна, но и даже опасна. Полностью обойтись без нее было нельзя, ибо Каролингская и Оттоновская империи не могли существовать без универсального латинского языка и имперской идеи. Акцент неизбежно делался на политическом аспекте. В результате эти ренессансы оказались плохо контролируемым процессом³². «Языческое» содержание раннехристианских текстов стало жить своей собственной жизнью и неизбежно вступало в противоречие с целью строительства царства божьего на земле, объединенного христианской верой, во главе с вселенским императором, избранником Божьим³³. Хотя Священная Римская империя формально просуществовала до начала XIX в., она не смогла стать даже слабой копией античного Рима. Сказанное стало одним из факторов, облегчивших переход «Северной Европы» на иной вариант развития, основой которой стала идея регионального («национального») государственного объединения.

Второй вариант использования «античной» основы характерен для средиземноморской части цивилизации. Здесь своеобразный «насос» вытаскивал на поверхность «городскую античность» исламскую культуру в Испании и на островах Средиземного моря (шло глубокое сканирование античной истории и культуры вплоть до V в. до н. э.), ереси, Крестовые походы.

В результате на одном временном поле со схоластикой мы наблюдаем существование и развитие двух разновидностей ренессансов:

1) «северный» – на территории, где преобладали аграрная экономика и стремление к политической интеграции в рамках «империй». Это ренессанс служебный, проводящийся «сверху», с акцентом на христианской античности (сакральной части культуры), носивший политико-юридический характер (из всего «римского наследия» интересовали больше всего имперское устройство и монархические аспекты римского права).

2) «южный» – на территории, где преобладали городская экономика и республиканское устройство (самый яркий пример - Флоренция). Это ренессанс спонтанный, снизу, с акцентом на языческой античности (секулярной части культуры) и культуре (педагогика, литература, искусство, философия).

Уже за счет этого наблюдается столкновение разных вариантов «античности»³⁴. Какофония усиливалась также за счет столкновения различных пластов античности, прежде всего, греческой и римской, и нарастающего противоречия между основными античными

³¹ Стоит напомнить, что классическая модель феодализма («аграрная») создана на материале одной из «варварских» территорий (Северной Галлии).

³² *Пиков Г. Г.* Реновационная педагогика Каролингского Возрождения и педагогические идеи Алкуина // История и социология культуры. Вып. 1. История и социология образования. Новосибирск, 2000. С. 59.

³³ *Гаспаров М. Л.* Каролингское Возрождение (VIII – IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV – IX вв. М., 1070.

³⁴ В то же время необходимо заметить, что простое копирование «античности» бесплодно, только диалог с ней и даже сопротивление ей и создает возможность развития новой философии.

языками. Нужно учитывать, что европейская средневековая культура трехъязычна, т. е. активно использует еврейский, греческий и латинский языки. Каждый из этих языков в своей истории и в своих текстах отразил определенный региональный культурно-исторический синтез. Эти языки дали и базовые понятия: еврейский – Бог, греческий – космос, латинский – культура. Если видеть, что средневековая цивилизация представлена не только аграрной экономикой, но и достаточно представительной городской традицией, то еврейский и греческий варианты демонстрировали два возможных пути развития общества. Еврейский – аграрный (возможность перехода на более интенсивный путь прерывалась периодическими нашествиями соседних племен и народов и тем, что еврейский мир оставался частью более обширного и подвижного мира семито-хамитских народов). Здесь был акцент на моноэтническом развитии. Греческий – торгово-ремесленный, поэтому акцент делается не на консервации культурного образца, а на динамике ценностей и рыночных отношениях, перспективах социально-секулярного развития полиэтнического мира. Латинский язык развивался в период складывания средиземноморского «мира» и он делает акцент на синтетическом варианте. У истоков же «европейской» цивилизации безусловно решающую роль сыграл греческий язык. Он широко распространялся во втором «мире» (первый /Вавилон/ создали «халдеи») и был первым средиземноморским международным языком (*lingua franca*). Однако будущие средиземноморские политические центры (Афины, Рим) оказались в стороне от зон традиционного экономического и культурного расцвета. По мере все большего расхождения судеб Западного и Восточного Средиземноморья базовый текст («Библия») начнет раздваиваться. Греческий вариант (Септуагинта) уйдет на Восток и в «православном мире», ядром которого была Византия, на его основе расцветет автокефальная конструкция («куст»), ибо этот мир был шире империи как зоны распространения греческого языка (на Западе эти две территории практически совпадали). Еретиков (монофизиты, павликиане) преследовали здесь чаще из-за необходимости поддержания церковного единства и сохранения стабильных экономических отношений с Западом. На Западе будет создаваться латиноязычный вариант (Вульгата), именно она и станет впоследствии Священным Писанием для Европы.

Первые острые проблемы, не порождавшие еще конфликты, появляются как результат попыток осмыслить тандем Священное Писание / Священное Предание. Нужно было вставить греческих и римских авторов (уже конфликт!) + Библию, Св. Предание, средневековых авторов. В условиях выстраивания рядом с имперской вертикалью новой социально-политической горизонтали, связанной с городом и нарождавшейся региональной королевской властью выход цивилизации на новый этап развития кажется хаотичным и бессмысленным. Культура осуществляет вопрошание к дихотомии «Бог – Мир» с целью доказать, что Бог не оставил мир в условиях надвигающегося хаоса³⁵.

Происходит и своеобразный «бунт» той «античности», образ которой в V-VI вв. в рамках первых средневековых ренессансов (Остготское, Вестготское) был создан так называемыми последними римлянами. Они, пытаясь сочетать готскую государственность, греческую образованность и христианскую «нравственность», акцент сделали именно на последней, иначе говоря, на практической, рецептурной части культуры. Данный синтез был хорош для раннего средневековья, но теперь он вступает в конфликт с множеством новых реалий внутреннего и внешнего происхождения. Попытки примирить их были обречены на чисто косметический эффект, необходимы были глубокие общекультурные преобразования.

Схоластика и стала первоначальной формой ее осмысления и защиты цивилизационной парадигмы. Не случайно основными проблемами схоластической философии стали проблемы бытия Божьего, соотношения божественного и человеческого, роли человека в истории и культуре.

³⁵ На следующей стадии (Ренессанс/ Реформация) важнейшей станет дихотомия «Человек – Бог», в новое время: «Человек – Мир».

Оживляются эсхатологические ожидания. Христианская эсхатология достигает максимума своего развития и, в то же время, возрождается присущая переходным периодам актуальная эсхатология. Если в рамках иудейской традиции она была связана с наличием двух вех – «Творения» и «Конца мира» как создания «новой земли» (внешняя «рамка» для «истории»), то средневековая христианская «история» обрела свои «начало» и «конец»: «Первородный Грех» как момент нарушения гармонии и «завета» с «Богом» и «Страшный Суд» как момент, фиксирующий «возвращение в Эдем». Это обусловлено «волновым» характером развития эсхатологической составляющей христианской философии истории. После вычленения «экзистенциального времени» (от «Творения» до «Конца мира») естественным образом возникает проблема роли человека в «истории»: должен ли он пассивно ожидать это событие или может и обязан действовать активно, и в чем должна проявляться эта активность. Сужение исторического «пространства» («Первородный Грех» – «Страшный Суд») предельно заостряет эту проблему и смысл поведения отдельного человека и человечества в целом видит в следовании «Истине». Это хорошо видно из новозаветной литературы: если в Мф 16:28 утверждается, что «есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем», то Лк 17: 20,21 («Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо, вот, Царствие Божие внутри вас есть») и ап. Павел (Рим 14: 17 – «Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость в Святом Духе») фактически отказываются от актуальной эсхатологии и в классическом библейском духе делают акцент на таинственности и скрытости исторического процесса.

Схоластика и становится хотя и своеобразным, но естественным и обязательным ответом на совокупность внутренних и внешних «вызовов», поставивших «христианский мир» на рубеже I - II тысячелетий н. э. в исключительное положение. Осуществляется этот ответ в форме своеобразного «возрождения» и «ученая» культура за помощью обращается к тому времени в истории цивилизации, когда существовали похожие проблемы. Это время патристики (особенно творчество и деятельность Августина), византийской теологии, христианского неоплатонизма (Ареопагитики, Августиновская редакция Прокла). Схоласты предложили сочетать иррационализм с рассудочностью выводов, сделали установку на герменевтику как «вычитывание» ответов из базовых текстов, прежде всего из Священного Писания. Аристотелизм дал схоластике системность и логику, «последние римляне» (в частности «Этимологии» Исидора Севильского) – номенклатуру понятий и их обоснование с позиций христианства. От Каролингов (И. С. Эриугена, Р. Мавр, Алкуин) взят жанр сумм как компендиумов. Античные сочинения брались в латинском варианте (в том числе и греческие произведения), а это значит, что они изучались как факт латинской культуры как первой формы культуры единого и многообразного «мира». Цивилизация пытается понять, насколько и дальше они могут быть полезны, делая при этом акцент именно на христиански понятой античности, которая уже «одолела» языческую ее интерпретацию.

Каролингское Возрождение не просто сделало первую попытку систематизации культурного «наследия» Европы, но и спровоцировало начало схоластической «самообороны» европейской культуры. Систематизация культурного «наследия» была первой формой вопрошания. Зарождение жанра «сумм» («De divisione naturae» И. С. Эриугены как первая схоластическая «сумма») свидетельствовало о стремлении найти «слабые звенья» в идеологии и выстроить непротиворечивый синтез «сакрального» и «секулярного». Неизбежным при решении проблемы соотношения «божественного» и «человеческого» должен был стать именно «диалектический» метод Эриугены, дополненный впоследствии методом П. Абеляра «pro et contra» («за» и «против»). Одновременно идет глубокое сканирование раннего этапа истории европейской цивилизации и работа по сочетанию христианской идеи с античным пониманием человека (прежде всего деятельность И. С. Эриугены). Здесь же налицо и своеобразное «несогласие» с результатами Каролингского Возрождения, которое сделало излишний акцент на христианстве времен Константина Великого.

Антиавторитаризм Эриугены демонстрировал невозможность согласиться с неработающими вариантами решения проблем, в основе которых лежал присущий иерархическому земледельческому обществу принцип подражания мастеру (1Кор 4:16 – Подражайте мне, как я Христу).

Проблема предопределения как сквозная и перманентная наиболее четко и раньше других поставила вопрос о соотношении «Бога» и «Человека». «Бог» (кодовое слово Европы) понимался как сверхъестественная и надъестественная сверхличность, вне времени и больше «мира». Это давало возможность культурной «агрессии» в любой конец ойкумены. Внеприродный «хозяин» природы и человека (принципы креационизма и провиденциализма) он был бесспорным духовным первоначалом, но управлял ли он миром?

При решении этой важной и новой проблемы неизбежны были две опасности: пантеизм (Эриугена), стремившийся растворить Бога в природе или даже отождествить с ней, и стремление максимально отдалить его от мира, доказав отсутствие всякой связи с природой. В любом случае это означало отказ от базовой цивилизационной парадигмы и как следствие культурное одиночество и гибель цивилизации

Два первоначальных варианта решения тоже были не безупречны. Годескальк усилил положение Августина о том, что Бог творит произвольно («неисповедимость путей господних»). Аверроисты утверждали, что Бог творит подчиняясь необходимости, которая вытекает из разума. Но тогда складывалась тупиковая ситуация – получалось, что Бога можно понять через понятую действительность. Этот вариант скорее подходил для нового времени, но не для средневековья. Тем не менее была создана необходимая основа для будущего синтеза, который осуществит Фома Аквинский.

Симптоматично тем не менее, что налицо в некотором смысле отказ работать с текстами культуры, попытки их заменить новыми и фактический выход за рамки трактовки базового Текста. Текст становится неисчерпаемым и поле значений расширяется до бесконечности. Истину все чаще находят не в культуре, а за ней и вне ее, скорее всего над ней это типичная для переходных периодов ситуация богоискательства. К тому же библейский в обществе начинает восприниматься двояко: крестьянам ближе ветхозаветные сюжеты и рецепты, горожанам – новозаветные с их акцентом на идеях равенства и свободы.

Спор номиналистов и реалистов стал отражением окончательного оформления схоластической проблематики. Их спор отразил возобновление диалога стоявших у истоков европейской цивилизации подходов к решению проблемы соотношения естественного и сверхъестественного. Провокацией для этого спора стал диспут об евхаристии, ибо в проблеме причастия в свернутом виде наличествовали другие схоластические проблемы – универсалий, соотношения веры и знания, божественного и человеческого, пределов человеческого знания, методов поисков истины.

Европейскому менталитету всегда был присущ особо развитый рационализм, который вкупе с другими факторами делал европейца «упрямым и цепким»³⁶. Проявлялся он и в отношении к идеологии уже в раннем средневековье³⁷. Широкое распространение средневекового города существенно усилила его. Городская экономика связана с особым менталитетом и потому горожанин «на зуб» берет не только монету, но и «религиозные» идеи. Он начинает с рационального объяснения чуда как единственно убедительного.

Налицо и вопрошание к аксиологии. В историософии начинает (Иоаким Флорский) использоваться тринитарный подход, когда историческое время делится на три периода (в соответствии с моделью Троицы – Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой дух): до Христа, от Христа до Константина, от Константина до конца мира. Христос таким образом перестает

³⁶ Бродель Ф. История моря и суши // Европейский альманах. 1997. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1998. С. 10.

³⁷ В споре о почитании икон иконопочитатели побеждают неслучайно, рационализм проявился здесь в том, что на Бога и святых переносится общение людей (глаза в глаза).

быть центром исторического процесса³⁸, а становится лишь одним из исторических персонажей.

Интерес к греческой культуре (во многом через Эриугену) спровоцировал столкновение двух этических идеалов – эллинистического с акцентом на величии и самодостаточности человека³⁹, «богоравенстве»⁴⁰ и христианского (во многом сформированного на древнееврейском) с акцентом на помощи Божьей и «воинах христовых» (Роланд, Сид, Тристан, Лоэнгрин, Св. Георгий). В схоластике «вопрошание» городского мышления и специфика городского свободомыслия нашли отражение в позиции схоласта Беренгария Турского и явном стремлении заменить Платона на Аристотеля («в тонзуре»), т. к. Платон «не оправдал себя», он оказался слишком прямолинеен. «Другого» Платона не было смысла создавать (это будут делать гуманисты).

Номинализм Росцелина из Компьена выявил рецепцию позднеантичного рационализма и пытался утвердить идею могущества человеческого интеллекта и обосновать ее.

Теперь это стимулирует переход от запоминания текста, как было в раннее средневековье, к его комментированию, т. е. перетолкованию и пониманию. Основным предметом спора в схоластике становится уже не вера, а сфера и пределы разума. Общество хочет убедиться в том, что Бог не оставил его и схоластика тщательно разрабатывает и совершенствует известный еще с античности метод доказательства бытия божьего. В раннее средневековье доказательствами были свидетельства библейского текста, вера и мнения авторитетных авторов. Синтез веры и разума осуществлялся в виде иерархического соподчинения (по принципу слуга – хозяин). Теперь разум приобретал все большее значение. Уже Эриугена говорил о «вере, ищущей разумения».

Фульдский монах начала IX в. в «Речениях Кандида об Образе Божиим» предлагает, пожалуй, первое, еще средневековое, доказательство: иерархия сущего требует существования бесконечной божественной интеллигенции⁴¹.

Схоластика будет использовать как выводы разума, так и анализ текста. Схоластический реализм Ансельма Кентерберийского стал «ответом Иова самому себе». Его онтологическое доказательство бытия Божьего станет первым из серии доказательств, результатом формулирования которых будет «спасение» идеи Бога как внеестественной и надъестественной сверхличности, творящей бытие. Оно будет предтечей «доказательной» деятельности Фомы Аквинского. Идея «доказательства» станет принципиально новым явлением в истории средневековой христианской философии и будет свидетельствовать о далеко зашедшем «сканировании» открывающегося «мира» в поисках «Бога».

Ансельм также примирил диалектический дуализм понятия «Бог», сложившийся в рамках цивилизации. В еврейской культуре он понимался как – благой дух, в греческой как смысл («мысль») сущего. Он максимально снял это раздвоение, хотя и на время (потом флорентийские неоплатоники столкнутся с этой проблемой уже на другом этапе, когда надо будет сказать, что такое бог), и в результате положил начало цепи доказательств как логическому осмыслению проблемы.

Диалектика Абельяра фактически стала первым признанием неудачи свободомыслия как формы критического осмысления базовых идей цивилизации. Городское рационалистическое понимание идеи «завета» сводилось к буквальному истолкованию «равенства» «божественного» и «человеческого». Однако зарождение концептуализма стало все же основой «решения» других схоластических проблем – универсалий, соотношения веры и разума, первородного греха, веротерпимости и др.

³⁸ См.: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск, 2002.

³⁹ *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989. С. 43.

⁴⁰ Прометей, Ахилл и Одиссей активно используют чисто человеческие методы – силу и хитрость. Этот идеал ближе к средневековому городскому (лис Ренар).

⁴¹ *Коплстон Ф. Ч.* История средневековой философии. М.: «Энигма», 1997. С. 75

Заметим, что схоластика предпринимает попытку усилить не подготовительную, а исследовательскую часть комплекса «семи свободных искусств» (квадривиум). В этом проявляется своеобразный социальный заказ, ибо обществу и Церкви нужны уже не «сторонники», а «исследователи» и «комиссары». Это стало одним из факторов, обусловивших всплеск университетских наук и формирование «второго этажа» университетов (старшие факультеты), где сразу идет расхождение на два направления (богословие / медицина, право).

В XII – XIII вв. активность мусульманской цивилизации в направлении европейского латинско – христианского «мира» усиливается. Латинский аверроизм станет свидетельством «сабельного» удара по европейской культуре и оживления рационализма. Аверроистские идеи как не менее произвольные, чем «религиозные» в интерпретации рационалистически мыслящих парижских схоластов стали «зашкаливанием», впадением в другую крайность даже по сравнению с мусульманским вариантом.

В итоге окончательно формируется проблема двойственности истины. По мнению Сигера Брабантского истины религии и философии противоречат друг другу, Иоанн Солсберийский утверждал, что у них разные объекты: познание природы и человеческое «спасение». Фома Аквинский признает наличие двух истин, но будет доказывать, что тем не менее существует их иерархия.

Роджер Бэкон поставит задачу нового сочетания этих истин: глубина истины дана пророкам⁴² в откровении лишь символически и только философия способна и должна полностью раскрыть эту истину.

В результате схоластика достаточно широким движением интеллектуальной защиты цивилизационной парадигмы: Ансельм Кентерберийский делал акцент на вере, П. Абеляр настаивал на интеллектуальном анализе поставленных проблем, Гуго Сен-Викторский на мистике, Бернар Клервосский предложил психологический метод, Петр Ломбардский – энциклопедизм (компендиум «сентенций»). Синтез - несомненная заслуга Фомы Аквинского.

Деятельность Фомы Аквинского и Роджера Бэкона свидетельствовала о расцвете схоластики как апогее противостояния системе эндогенных и экзогенных вызовов. Фома Аквинский основные схоластические проблемы решил «окончательно» и это было самым ярким свидетельством «спасения» схоластикой базовой идеи «Бога» европейской цивилизации и основанных на ней «программных» представлений.

Схоластика оказалась подобной «двуликому Янусу». Один «клик», обращенный в «прошлое», спасал базовые идеи, другой (футурологический) «открывал» дорогу новой парадигме и возможности нового сочетания сакрального и секулярного. Утверждение новой модели стало легализацией научной деятельности, пусть пока и в форме «любования» миром. Новое понимание «опыта» у Р. Бэкона «открывало» путь науке и легализовало светскую философию как инструмент не только «познания», но и «освоения» мира, в том числе и социального: «божественный опыт» (Библия) – «античный опыт» – опыт других народов – наблюдение (Леонардо) – эксперимент (Ф. Бэкон). Окончательное размежевание разума и веры видно из интерпретаций Вильяма Оккама в XIV в.

Схоластика найдет логическое продолжение в культурном тандеме Возрождение / Реформация (*Renovatio / Reformatio*), который станет формой развития первой европейской «культурной революции» и будет ликвидировать остатки «слабости» цивилизации. В условиях активно идущих Великих Географических Открытий и формирования нового комплекса наук полным ходом идет десакрализация культуры и будущая буржуазная культура создаст новую форму культурного «завета», где «Бог» и «религия» уже не будут играть прежней роли.

Растут национальные государства и усиливается роль национализма и патриотизма как новой формы защиты и трансляции культуры. Происходит демографическая революция и становится ясным, что отныне для «человечества» всегда будет существовать дефицит

⁴² Симптоматичен акцент на Танахе!

земли. В то же время наблюдается резкое повышение уровня жизни европейцев за счет более успешного решения социальных проблем, колониальной и экономической экспансии, научно-технической модернизации. Появляется возможность складывания новых форм взаимоотношения с другими «мирами». Роль религии становится несколько иной. Поскольку другие «миры» (цивилизации) отнюдь не исчезли, она становится формой культурно-идеологической экспансии Европы, идущей по «магистральному пути развития всего человечества». Хотя Европа теряет постепенно свою идеологическую и языковую целостность (вместо единой христианской идеологии и единого латинского языка появляется широкий спектр философских и идеологических доктрин /христианство, анархизм, марксизм, позитивизм, либерализм и т. д./ и национальных языков, ее цивилизационная парадигма (пресловутый «европоцентризм»), сформировавшаяся когда-то под решающим влиянием «религиозных» идей, остается практически единственным критерием при обсуждении характера и специфики иных культур. Внутри европейского сообщества наций на первый план выходят идеи равенства, единства права, свободы и др. Социальная идея начинает бороться с конфессиональной и теснить ее на задний план общественной жизни. Доходит до того, что появляются утверждения о том, что Бог умер (Ницше) или даже его нет (марксизм). Религия широко распространяется в массах, т. е. уходит на нижние этажи социальной лестницы, упрощается и все чаще ассоциируется лишь с системой обрядов. В интеллектуальном плане религия после Реформации практически не развивается. Она уже не играет сколько-нибудь заметной роли в управлении обществом и тем более во внешней политике. Функции схоластики уже не связаны с систематизацией догм и их рациональным обоснованием, развитием доктрин или их защитой, а ограничиваются фактически лишь их популяризацией. Феномен веры в схоластике оказался выведен за пределы процесса богопознания, для познания Бога достаточным оказывалось, по мнению схоластов, лишь понять текст. Это роднило схоластику с гуманизмом и вызывало серьезную критику со стороны реформаторов (М. Лютер).
